

Обе стороны понесли потери, но по неизвестной причине Линь Сян так и не попросил помощи у Да Хэя. Произнося заклинание, он заставил нефритовую табличку увеличиваться, словно гора, опускающаяся на двухголовую змею, удерживая её на месте. Сжимая в руках меч Яюй, он громко крикнул, и зелёный и чёрный свет одновременно вспыхнули. На лице двухголовой змеи появился испуг, и место, где её человеческое лицо соединялось с телом змеи, мгновенно изменилось, превратившись в человеческий торс. Чёрные ногти на руках змеи стали похожи на стальные лезвия, схватившие клинок меча Яюй. Две силы столкнулись, и в тот же миг поднялся сильный ветер. В этот момент сзади дома раздался глухой удар. Линь Сян на мгновение отвлёкся, и двухголовый змей, воспользовавшись моментом, выпустил длинный язык, обвивший запястье Линь Сяна, а хвост змеи обвил его ноги. Казалось, что Линь Сян вот-вот окажется полностью обёрнут змеиным телом, как снова раздался глухой удар, и внезапно в небо взметнулся красный столб света. Двухголовый змей тоже вздрогнул, словно вспомнив что-то ужасное, и, резко дёрнувшись, отбросил Линь Сяна. Его тело уменьшилось, и он стремительно выскользнул из двора Линь Сяна, оставив за собой лишь чёрный дым.

Линь Сян, всё ещё держа меч Яюй, стоял на месте, не понимая, что произошло. Он просто сбежал? Что это было? Неужели из-за того столба света?

— Плохо! Это ограничительный барьер у колодца! Линь Сян, нельзя допустить, чтобы этот барьер был разрушен. Быстро туда!

Да Хэй резко крикнул, выпрыгнул из окна и быстро побежал к колодцу за домом. Он был слишком беспечен! Не ожидал, что барьер уже настолько ослаб, что столкновение духовной силы Линь Сяна и двухголового змея вызвало трещину. Если то, что внутри, вырвется наружу, беды не избежать!

Линь Сян, видя беспокойство Да Хэя, тоже занервничал. Спрятав меч Яюй, он схватил Да Хэя и побежал к заднему двору.

Резиденция Ли, пригород города Т

В старинном интерьере комнаты горел сандал. Ли Эр сидел один у окна, лунный свет падал на квадратный стол перед ним. Его бледные пальцы взяли чёрную фишку и с лёгким щелчком поставили её на доску. Подперев подбородок рукой, он позволил чёрным волосам рассыпаться по плечам, а несколько прядей у виска колыхались от ночного ветра. Его розовые губы изогнулись в загадочной улыбке.

Партия уже расставлена, какой будет следующий ход?

«Воспитывать ребёнка нельзя только избалованностью, Божественный Владыка Байху...»

В то же время Лу Цзинъян стоял у окна, глядя вдаль. Одной рукой он провёл по лбу.

«Синь Лань, быть слишком умным — не всегда хорошо».

— Золотая печать, запечатай!

Когда Линь Сян и Да Хэй добрались до колодца, они увидели, что на его поверхности мерцала печать в форме пентаграммы. Один из углов пентаграммы уже потемнел, и именно из него вырывался красный столб света. Со дна колодца доносились глухие удары, которые, в отличие от прежних, заблокированных барьером, теперь звучали так, словно кто-то бил молотком по голове. Этот шум мог сравниться разве что с громким голосом рыбы Хэнгун!

Но у Линь Сяна не было времени на размышления. Да Хэй прыгнул на край колодца, и в золотом свете превратился в огромного тигра с пёстрым окрасом. Его четыре мощные лапы впились в край колодца, а тело окуталось золотым сиянием, подавляя столб света. Яркость столба постепенно уменьшалась, и Линь Сян, воспользовавшись моментом, сложил руки в знак печати и направил её к колодцу. Да Хэй вовремя отскочил в сторону, и потемневший угол пентаграммы снова засветился. Барьер восстановился, и весь колодец словно оказался плотно покрыт белой сетью света. Что-то внутри пыталось вырваться, но не могло найти способа!

Да Хэй пристально смотрел на барьер, всё ещё сохраняя форму тигра. Линь Сян тоже напряжённо сжал руки, и его дыхание, казалось, стало затруднённым. Он не знал, что находилось в колодце, но, видя беспокойство Да Хэя, понимал, что если это что-то вырвется, последствия будут ужасными.

Барьер снова активировался, но подавленная сила внутри колодца, казалось, не хотела сдаваться, продолжая биться и ударять. Линь Сян ясно видел красный свет, смешивающийся с пентаграммой.

Цинцзи, держась за хвост жёлтой лошади, парил в воздухе, а малыш-женьшень тоже цеплялся за хвост и был притянут к месту событий. Увидев эту сцену, они тоже занервничали. Им ещё нужно было полагаться на Линь Сяна, и они не хотели, чтобы то, что находится внутри, вырвалось и погубило его.

Наконец, красный свет постепенно подавился пентаграммой, и когда на востоке появился первый луч зари, свет пентаграммы стал ещё ярче. Из колодца раздался низкий рык, полный недовольства, и свет постепенно погас. Пентаграмма снова скрылась в барьере, и колодец вернулся в своё обычное состояние.

— Справились?

— Пока что.

Линь Сян глубоко вздохнул, почти обмякнув на земле. Он опёрся руками позади себя, тяжело дыша, и ощущение сдавленности в груди почти причиняло боль его лёгким. Холодный пот пропитал его одежду. За эту ночь сначала двухголовый змей неожиданно напал на него, а потом этот странный колодец доставил проблемы. Линь Сян никогда не знал, что жизнь может быть такой напряжённой. Чем больше Да Хэй скрывал, что находится в колодце, тем больше Линь Сяну хотелось узнать. Он надеялся, что там заперта что-то вроде Садако, ведь это хоть человекоподобное существо. Если же оттуда вылезет какой-нибудь божественный зверь или демон, Линь Сян готов был сам прыгнуть в колодец. Разве это можно назвать нормальной жизнью?

Нужно признать, что в каком-то смысле Линь Сян был близок к истине.

Временно решив проблему с колодцем, Линь Сян почувствовал, что у него появились силы. Раны на теле начали болеть, а холодный пот полностью промочил его одежду. Сняв рубашку и выжав её, он заметил, что с неё капала вода, но на его теле не было ни капли запаха пота, только лёгкий аромат. Подняв руку и понюхав её, Линь Сян почувствовал себя неловко.

«Неужели он теперь как Сянфэй?»

Цинцзи и малыш-женьшень немного пошептались, а затем улетели на жёлтой лошади. Через мгновение они вернулись, каждый с маленьким деревянным ведром в руках, и, подсунув их под рубашку Линь Сяна, уставились на него большими глазами.

— Цинцзи, что ты делаешь?

— Бессмертный, вы были очищены и преобразованы тысячелетним нефритовым мозгом, а прошлой ночью вы использовали свою духовную силу по всему телу. Теперь даже капля вашего пота для нас — это духовная жидкость. Пожалуйста, Бессмертный...

Что?!

Услышав слова Цинцзи, волосы на голове Линь Сяна встали дыбом. Глядя на двух маленьких существ, которые не отрывали от него своих больших глаз, он сглотнул и чуть не заплакал. Что это вообще такое?

— Спасибо за подарок, Бессмертный!

Цинцзи и малыш-женьшень тут же свернулись в клубочки, радостно поблагодарили и подняли маленькие вёдра, чтобы собрать слёзы. Жёлтая лошадь Цинцзи тоже подбежала, чтобы получить свою долю.

Да Хэй, вернувшись к виду кота, посмотрел на Линь Сяна и махнул хвостом:

— Дурак!

Синь Лань, тяжело дыша, вернулся домой. Рана, которую он получил прошлой ночью от меча Яюй, всё ещё ныла. Прикрывая живот в самом болезненном месте, он почувствовал, как в его глазах мелькнула холодная искра. Если он не ошибался, тот столб света был не таким простым!

Открыв дверь, Синь Лань уже хотел расслабиться, но, подняв голову, мгновенно застыл. Кровь в его жилах, казалось, замерла.

Лу Цзинъян сидел на диване спиной к окну, скрестив руки и опершись подбородком на ладони, спокойно глядя на Синь Ланя.

— Вернулся?

— Хозяин...

— Оказывается, ты ещё помнишь, кто ты такой. Я уже думал, что ты забыл.

— Синь Лань не смеет.

— Хм...

Лу Цзинъян тихо усмехнулся, откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу. Его чёрные глаза окрасились в кровавый цвет, а губы изогнулись в улыбке. Дверь за Синь Ланем захлопнулась.

Синь Лань не смел пошевелиться. Он знал, что Лу Цзинъян действительно разозлён. Он больше не смел надеяться ни на что, кроме как на то, что Лу Цзинъян пощадит его жизнь. Остального он больше не смел желать.

— Почему ты так боишься? — приподнял бровь Лу Цзинъян, его улыбка не изменилась. — Я так страшен для тебя?

— Хозяин...

— Если боишься, почему поступил вопреки моей воле?

— Хозяин, Синь Лань больше не посмеет!

Синь Лань, словно решившись, упал на колени. Его ноги превратились в израненный змеиный хвост, а мужская половина тела стала женской. Его белая шея, округлые плечи, пышная грудь и соблазнительное лицо были полны мольбы. Фиолетовые глаза наполнились слезами, и даже самый чёрствый человек, вероятно, почувствовал бы жалость к Синь Ланю в этот момент. Но Лу Цзинъян к ним не относился.

<http://bllate.org/book/16777/1542465>